

Маремукова Э.В.
Министерство культуры
Кабардино-Балкарской Республики
г. Нальчик
E-mail: elleonora16@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭКСПЛИКАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. Статья посвящена особенностям экспликации этнического мировидения в кабардино-черкесской, русской и английской лингвокультурах. Выявлена специфика восприятия, категоризации и вербальной репрезентации окружающего мира носителями языка в зависимости от их этнокультурных и ментальных характеристик.

Ключевые слова: культура, язык, лингвокультура, мировидение, языковая картина мира, мультикультурализм, языковое разнообразие.

Maremukova E.V.
Ministry of Culture
of the Kabardino-Balkarian Republic
E-mail: elleonora16@mail.ru

SPECIFICS OF EXPLICATION OF ETHNIC WORLDVIEW IN DIFFERENT LINGUOCULTURES

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of explication of ethnic worldview in Kabardino-Circassian, Russian and English linguocultures. The ways of perception, categorization and verbal representation of details of the surrounding world by native speakers, depending on their ethnocultural and mental characteristics, are revealed.

Key words: culture, language, linguoculture, worldview, linguistic picture of the world, multiculturalism, linguistic diversity.

С начала XX века, особенно в последние десятилетия, изучение языка и культуры во взаимосвязи стало популярным направлением в филологии. Актуализируются вопросы «Как язык может влиять на культуру?» и «Что можно понять об определенной культуре, изучая ее язык?».

Важнейшим инструментом социализации всех человеческих обществ и культур, как известно, является язык. В значительной степени именно посредством языка одно поколение передает последующему свои традиции, ценностные представления. Язык полностью переплетается с пониманием

членов этнических коллективов того, кем они являются как на личном, так и более широком, социальном уровнях.

Идея о том, что мировидение того или иного народа зависит от его языка была провозглашена, как известно, Вильгельмом фон Гумбольдтом, в частности в утверждении о том, что каждый язык отражает особенное мировосприятие, которое заставляет говорящих на нем видеть и думать характерным способом [11]. Эта идея стала известна как принцип языковой релятивности. В первой половине XX века она охватила исследователей различных направлений, в том числе антропологов, лингвистов, естествоиспытателей, таких, как Франц Боас, Эдуард Сепир, Бенджамин Ли Уорф. Ставшая впоследствии известной гипотеза языковой относительности Сепира-Уорфа утверждает, что мысли и действия человека определяются языком, на котором он говорит [8;12]. Часто цитируемое высказывание Уорфа о том, что язык определяет идеи и что окружающий мир анализируется согласно линиям, установленным родными языками, стало краеугольным камнем лингвистического детерминизма [12; 6, с. 12]. Если говорить в общем, гипотеза Сепира-Уорфа – теория о том, что язык, на котором говорит человек, оказывает влияние на его восприятие мира. Эта предопределенность проявляется на различных уровнях языка. К примеру, на лексическом уровне в русском языке для обозначения цветовых оттенков между зеленым и фиолетовым имеются отдельные слова «голубой», «синий» и «темно-синий», в то время как в английском языке этим цветам соответствуют номинации «темно-синий» (*darkblue*), «синий» (*blue*) и «светло-синий» (*lightblue*). В кабардино-черкесском языке синий цвет обозначается словом «*щӀыху*». Имеет место также диалектное употребление слова «*щӀхъуэ*» в значении «синий». Однако в литературном кабардино-черкесском языке «*щӀхъуэ*» имеет семантику «серый». В то же время голубой цвет номинируется лексемами «*къащӀхъуэ*» (*уафэкъащӀхъуэ* – голубое небо) и «*щӀхъуантӀэ*», при этом последнее имя прилагательное может иметь коннотацию как зеленого (*щӀыльэщӀхъуантӀэ* – зеленая земля –

о ее покрывающей растительности), так и голубого цветов. В языке индейцев народа навахо, проживающего на юго-западе США в штатах Аризона, Юта и Нью-Мексико, зеленый и синий цвета выражаются одним словом. Аналогия наблюдается и в обозначении желтого и оранжевого цветов в языке зуни – индейского народа группы пуэбло на юго-западе США. В подобных случаях отсутствие языкового знака для передачи какого-либо цвета способствует пониманию мировидения этноса, не различающего определенные цвета в силу того, что они не выполняют сигнификативной роли в жизни народа.

Экспликация отдельных цветообозначений в одном языке различными лексемами, а в другом – однокоренными словами свидетельствует об особенностях восприятия и категоризации цветового пространства носителями языка в зависимости от их культурных традиций, то есть от того, насколько значим тот или иной цвет в жизни этноса. Индикатором национального ментального устройства, безусловно, выступает язык.

Показательны в этом отношении и грамматические категории и структуры языка, так как опыт, имеющий важное значение для определенной культуры, грамматикализуется в языке этой культуры, что в свою очередь, определяет формирование мировидения говорящих на этом языке, и, в конечном счете, речевое поведение как группы, так и индивида. Отметим в этом контексте, что изучение глагольных времен некоторых иностранных языков представляет трудность, ибо разные этносы «думают» о времени по-разному. Уорф считал, что представители индейского народа хоппи, проживающего на северо-востоке Аризоны, США, не воспринимают время так же, как говорящие на европейских языках, поскольку их язык не имеет категории времени и демонстрирует понятие и отношение ко времени, отличающееся от западной культуры. [12; 6]. В китайском языке нет грамматических глагольных времен, в индонезийском языке время выражается посредством наречия – в форме глагола изменений нет.

В русском языке временные характеристики действия находят свое отражение, как известно, в трехмерной системе: настоящее время (совпадение с моментом речи – *смотрю*) – прошедшее время (предшествование моменту речи – *смотрел/посмотрел*) – будущее время (следование за моментом речи – *буду смотреть/посмотрю*). Категория времени глагола тесно связана с категорией вида (несовершенного или совершенного вида). Глаголы несовершенного вида в изъявительном наклонении эксплицируют три формы времени – настоящего, прошедшего и будущего сложного (*смотрю, смотрел, буду смотреть*); глаголы совершенного вида – две формы – прошедшего и будущего простого (*посмотрел, посмотрю*).

Кабардино-черкесский язык имеет сложную систему времени глагола. В нем выделяются две группы времен: к первой группе относятся формы, выражающие отношение времени действия к моменту речи, ко второй – передающие отношение времени действия к определенному моменту в прошлом, девять временных форм (настоящее время (*сокIуэ* – я иду), будущее I (неопределенное) (*сыкIуэниц*– я пойду), будущее II (определенное) (*сыкIуэнуц* – я пойду), перфект I (прошедшее завершенное) (*сыкIуац*– я пошел/ходил), перфект II (предпрошедшее завершенное) (*сыкIуат* – я пошел/ходил (тогда, к тому моменту)), имперфект (прошедшее незавершенное) (*сыкIуэт* – я шел/ходил (тогда, в тот момент)), плюсквамперфект I (прошедшее далекое завершенное) (*сыкIуэгъац*– я пошел/ходил (тогда)), плюсквамперфект II (предпрошедшее далекое завершенное) (*сыкIуэгъат* – я ходил (тогда, к тому моменту)), аорист (прошедшее законченное, однократное, мгновенное) (*сыкIуэщаби* (*сыкIуэри*) *къэсхъац* – я пошел и принес).

Темпоральная категоризация действительности в кабардино-черкесском языке проявляет сходные черты с английским языком, располагающим двенадцатью временными формами. В английском языке настоящее, прошедшее и будущее времена делятся на простое (*simple* – *I read* (я читаю) (часто, каждый год, вообще), *I read* (я (про)читал (вчера, минуту

назад), *Iwillread* (я прочитаю (потом, через минуту, когда-нибудь)), прогрессивное, длительное (progressive, continuous – *Iamreading* (я читаю (сейчас)), *Iwasreading* (я читал (тогда, в тот момент)), *Iwillbereading* (я буду читать (в тот момент)), совершенное, перфектное (perfect – *Ihaveread* (я прочитал/дочитал (уже, только что)), *Ihadread* (я прочитал (к тому моменту)), *Iwillhaveread* (я прочитаю (к тому моменту)) и совершенное (перфектное) прогрессивное (perfectprogressive – *Ihavebeenreading* (я читал и еще продолжаю читать)), *Ihadbeenreading* (я читал (на протяжении какого-то времени к тому моменту)), *Iwillhavebeenreading* (я буду читать (уже на протяжении некоторого времени к тому моменту)). В системе глагольных времен английского языка отражено предшествование какому-то моменту, факту или событию и соотнесенность с ним в настоящем, прошедшем и будущем, передающиеся перфектными формами глагола.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что у всех народов время делится на три основных пласта: прошедшее, настоящее и будущее. Однако интерес представляют особенности национального мышления при темпоральной категоризации действительности, проявляющиеся в спецификации каждого из этих времен. Языки, обладающие более детальной системой видовременных форм глагола, проецируют ситуацию подробнее, без существенной зависимости от контекста: законченность, протяженность, повторяемость, конкретность, запланированность/спонтанность действия и т.д. Наличие в языке большого количества уточняющих время деталей можно рассматривать как показатель значения, которое придается этническим сообществом времени.

Экспликация времени в разных языках рассматривается некоторыми исследователями как маркер темпоральной ориентации культуры. В русском языке, к примеру, используется обозначение времени, ориентированное на будущее: 08:10 – *десять минут девятого*, 10:30 – *половина одиннадцатого* - в русском языке проявляется стремление к следующему часу.

В английском языке первые полчаса выражаются в направлении назад: 08:10 – *tenpasteight* (десять после восьми), 10:30 – *halfpastten* (половина после десяти), однако 07:45 – *aquartertoeight* (четверть до восьми).

В литературе данное обстоятельство рассматривается как ориентированность носителей русского языка в будущее, истоки которого связываются с историей и религией русских: Советский Союз – построение коммунизма, светлого будущего под лозунгами «*Пятилетку в четыре года!*», «*Время, вперед!*», в литературе – футуризм, отрекавшийся от прошлого, в религии – устремление в будущее с верой о жизни в раю, о вознаграждении после смерти [3, с. 182; 1, с.372].

Английский язык же воспринимается как язык культуры, ориентированной на прошлое: трепетное отношение к предметам старины, соблюдение традиций, обычаев, ритуалов, что самое страшное, что может случиться со страной и народом, – это великое шекспировское «*Порвалась связь времен!*» [2; 3].

В этом отношении кабардино-черкесский язык, проявляющий безусловное почитание прошлого и традиционного, соответствующего кодексу чести «Адыгэ Хабзэ», в экспликации времени, возможно, испытывает влияние государства проживания его носителей, демонстрируя восприятие времени, характерное для россиян: 08:10 – *сыхьэтибгъум дакъыкыищIкIэ ежъащ* (десять минут девятого), 10:30 – *сыхьэттыкIузым и ныкъуэщ* (половина одиннадцатого). При этом стремлением соответствовать вызовам современности, развиваться в ногу со временем пронизано адыгское мировоззрение, в частности, народное словотворчество: «*Зэманым декIур лыфIщ*» (досл. хорош соответствующий времени человек»), «*БлэкIамукIэлъымыджэ*» (не зови прошлое), «*Къэбублэхабзэщ*» (все новое может впоследствии стать традицией).

Американский лингвист Джордж Лакофф на примере австралийского аборигенного языка дирбал, одного из вымирающих австралийских языков на севере штата Квинсленд, одного из самых грамматически сложных языков,

пришел к выводу, что распределение имен существительных в четыре гендерные категории частично основано на мифах и культурных убеждениях народа дирбал, отличающихся от западных [см.7].

В ракурсе рассматриваемого нами аспекта обращает на себя внимание и такая проблема, как категоризация объектов действительности по гендерным признакам. Некоторые исследователи предполагают, что говорящие на языках, в которых гендерная проблематика выражается лингвистически, думают об объектах тоже «гендерно». К примеру, в испанском языке слово мост (*el puente*) репрезентируется «мужскими» прилагательными, такими, как большой, опасный, длинный, сильный и прочный, в немецком языке для номинации моста используется слово женского рода *die Brücke*, и немцы используют с данной лексемой женские адъективы, такие, как красивая, элегантная, хрупкая и стройная. Эти данные, по мнению исследователей, поддерживают слабую версию лингвистического релятивизма [см.10].

В контексте темы нашей статьи интерес вызывает вопрос вежливости, относящейся к демонстрации осознанности общественной самооценки (лица) других людей, которая может быть выражена как позитивно (показывая солидарность), так и негативно (принимая право другого не быть принужденным). В процессе коммуникации говорящие делают соответствующие лингвистические выборы в зависимости от их отношения к адресату, чтобы не причинить им неудобства. Во всех обществах существуют социолингвистические правила, например, для вежливого принятия или отказа, приветствий, тем для общения, форм обращения, и они различаются кросс-культурными признаками. Что является приемлемым или даже желательным лингвистическим поведением в одном обществе, может быть неприемлемо или даже табуированным в другом. Эти различия тесно связаны с социально-культурными ценностями и отношениями.

Наиболее очевидными формами вежливости являются формы обращения, отражающие социальные отношения наряду с социально-культурными

измерениями расстояния или солидарности и относительной власти или статуса [4; 5]. Выбор варьируется от использования имени или личного местоимения второго лица единственного числа (*ты*) к титулу и фамилии или личного местоимения второго лица множественного числа (*Вы*) (почтительная форма во многих языках). Вариации наблюдаются не только в различных языках и обществах, но и внутри социальной группы одного общества, а также по времени (исторически). Например, использование в определенном обществе формулы «Титул и фамилия или личное местоимение второго лица (*Вы*)» для незнакомых лиц, представителей старшего поколения, даже родственников и родителей демонстрирует не только уважение, но и дистанцию, и влияние адресата.

Обращение на «*Вы*» в русском языке появилось, как известно, в XVIII веке в период правления Петра I, когда в стране утверждался европейский стиль поведения. Оно традиционно воспринимается как возвеличивание достоинств человека, придание большего значения (по сравнению с одиночными усилиями) выполняемой им роли в обществе. Показательны в этом отношении пословицы и поговорки в русском языке: «*Одна голова – хорошо, а две – лучше*», «*Один в поле не воин*», «*В одиночку не одолеешь и кочку*» и др.

В персидском языке местоимение второго лица множественного числа *shomâ* используется как показатель уважительного отношения вместо местоимения второго лица единственного числа, а также местоимение третьего лица множественного числа *ishân* как почетное – вместо местоимения третьего лица единственного числа. Множественность как индикатор уважения эксплицирована не только в системе местоимений, но и отмечена в конце глагола. Использование *ishân* настолько стало ассоциироваться с уважением и высокой оценкой, что в современном персидском языке редко встречается в качестве маркера множественности как таковой [9, с. 99].

Настояние на имени (обращение по имени) в большинстве американских мультинациональных компаний воспринимается не как знак личной дружбы

или недостатка вежливости, а как выражение политики компании, направленной на солидарность и единство, совместные отношения и общие ценности независимо от различий, профессионального статуса, построение доверительных отношений и повышение качества командной работы. Это является языковой манифестацией культуры определенной нации (в данном случае американской), а также корпоративной культуры, представляющей интерес не только для лингвистики, но и для успешного функционирования организационного менеджмента, особенно в мультинациональных компаниях.

В кабардино-черкесском языке модель обращения «личное местоимение второго числа множественного числа» как показатель признания более высокого статуса адресата или уважения к нему отсутствует. При этом необходимо отметить, что уважение к старшим в кабардино-черкесском менталитете является одним из важнейших жизненных принципов, содержащихся в кодексе чести «Адыгэ Хабзэ». Нормы адыгского этикета запрещают окликать, звать к себе, привлекать внимание старших, чтобы сказать им что-нибудь. В данном случае можно сделать вывод о том, что именно отсутствие в кабардино-черкесском языке речевой этикетной формулы выражения уважительного отношения к людям является проявлением почтительности.

Таким образом, национальная культура и способ мышления, с одной стороны, оказывают влияние на язык народа, то есть определяют наличие или отсутствие вербальной репрезентации определенной концептосферы, степень ее языкового оформления. С другой стороны, язык демонстрирует ментальные особенности, этнокультурное своеобразие, мыслительный процесс, то есть то, как отдельный этнос видит мир, проявляет интерес к окружающей действительности, чему обращает наибольшее внимание, что для него существенно, а что второстепенно. Чем больше деталей окружающего мира

отражено в языке, тем богаче язык, а значит и культура, и миропонимание этноса.

Язык, как известно, нестабилен. С течением времени люди встречаются с новыми реалиями, осваивают их, дают им новые языковые обозначения. Однако степень употребления одних терминов, обозначающих определенные предметы, явления, процессы, признаки, ослабевает, демонстрируя их не востребованность в жизни сообщества и, соответственно, отсутствие надобности в их языковом употреблении. Устоявшиеся в языке номинации усваиваются с детства, вместе с ними идет передача образа мыслей, мировидения этноса, отраженного в языке. А изучение чужого языка представителями иных сообществ всегда предполагает знакомство с ментальным устройством и восприятием мира другой этнической группы.

В языке закодирована реальность, которая окружает носителей этого языка, то есть реальность, к созданию которой причастен сам этнос. Люди воспринимают и интерпретируют окружающий их мир, и каждый это делает по-своему, в соответствии со своим личным опытом и культурой, и даже если этот воспринимаемый внешний мир разный, он отчасти результат деятельности самого народа, который является частью этой действительности и оказывает влияние на него, в то же время являясь объектом воздействия и сам по себе. Поэтому и реальность, и субъекты, ее воспринимающие, и язык, в котором она фиксируется, взаимозависимы.

Библиография

1. Победаш Е.В. Категория времени в культурологическом аспекте и определение «текущего часа» как лингвокультурный маркер//Вестник Иркутского государственного технического университета, 2012, №10 (69). С. 370-373.
2. Сухина Е.И. Пространство и время в современном британском и русском самосознании сквозь призму прессы (по материалам «TheTimes», «TheDailyTelegraph», «Независимой газеты» и «Аргументов и фактов»). Дис. ... канд. культурологии. – М., 2004. – 184 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учебное пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.– 286 с.
4. Bolles E.B. A Blog about the origins of speech.[E-resource]. Available at: https://www.babelsdawn.com/babels_dawn/2009/06/defining-language.html. Accessed 05.12.2018.

5. Damen L. Culture Learning: The Fifth Dimension on the Language Classroom. Reading, MA: Addison-Wesley, 1987. – 406 p.
6. Ilić B.M. Language and culture studies – wonderland through the linguistic looking glass // Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature, 2004. 3(1). – Pp. 1-15.
7. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things – What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
8. Sapir E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality, Berkeley: University of California Press, 1958. – 617 p.
9. Sharifian F. Linguistic Theory and Cultural Conceptualisations // Journal of Language, Culture, and Translation (LCT), 1(3), 2012. – Pp. 93-110.
10. Szczegieliński A. Introduction to the Theory of Language, 2017. – 45 p [E-resource]. Available at: <https://scholar.harvard.edu/adam/book/introduction-linguistic-theory>. Accessed 05.12.2018.
11. Von Humboldt, A. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts', 1830-1835/1935. In Riedel, M. (ed.), Geschichte der Philosophie in Text und Darstellung, Vol.7. – Pp.66-100. Stuttgart: Reclam.
12. Whorf, B.L. Science and Linguistics. Technology Review, 1940, 42 (6). – Pp. 229-231, 247-248.

References

1. Pobedash E.V. Kategoriyavremeni v kulturologicheskom aspekte i opredelenie «tekushego chasa» kak lingvokulturnykh marker // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2012, №10 (69). S. 370-373.
2. Sukhina E.I. Prostranstvo vremya v sovremennom britanskom i russkom samosoznaniiskvo zprizmupressy (po materialam «The Times», «The Daily Telegraph», «Nezavisimoy gazety» i «Argumentov i faktov»). Dis. ... kand. kulturologii. – M., 2004. – 184 s.
3. Ter-Minasova S.G. Voynaimiryazykov i kultur: voprosy teorii i praktiki: uchebnoe posobie. – M.: AST: Astrel: Khramitel, 2007. 286 s.
4. Bolles E.B. A Blog about the origins of speech. [E-resource]. Available at: https://www.babelsdawn.com/babels_dawn/2009/06/defining-language.html. Accessed 05.12.2018.
5. Damen L. Culture Learning: The Fifth Dimension on the Language Classroom. Reading, MA: Addison-Wesley, 1987. – 406 p.
6. Ilić B.M. Language and culture studies – wonderland through the linguistic looking glass // Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature, 2004. 3(1). – Pp. 1-15.
7. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things – What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
8. Sapir E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality, Berkeley: University of California Press, 1958. – 617 p.
9. Sharifian F. Linguistic Theory and Cultural Conceptualisations // Journal of Language, Culture, and Translation (LCT), 1(3), 2012. – Pp. 93-110.
10. Szczegieliński A. Introduction to the Theory of Language, 2017. – 45 p [E-resource]. Available at: <https://scholar.harvard.edu/adam/book/introduction-linguistic-theory>. Accessed 05.12.2018.
11. Von Humboldt, A. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts', 1830-1835/1935. In Riedel, M. (ed.), Geschichte der Philosophie in Text und Darstellung, Vol.7. – Pp.66-100. Stuttgart: Reclam.
12. Whorf B.L. Science and Linguistics. Technology Review, 1940, 42 (6). – Pp. 229-231, 247-248.